

Я буду жить и петь

*Посвящаю моему любимому папочке,
Лобанову Владимиру Александровичу*

С. Машевич

Мёрное море

Москва
2017

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5
М 38

Машевич С.В.

М 38 Чёрное море : стихотворения / С. Машевич. – М.: ИПО
«У Никитских ворот», 2017. – 66 с.

ISBN 978-5-00095-297-9

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5

ISBN 978-5-00095-297-9

© Машевич С.В., 2017
© Карженкова Е.В., иллюстрация, 2017
© Оформление.
ИПО «У Никитских ворот», 2017

Здесь сонное царит оцепенение
И земли словно воздухом полны.
Здесь райский сад и райское цветение
И некому разрушить эти сны.

Здесь прячутся от жизни, если в подлости
Себя уже страшишься уличать.
Вот и живу, и вместо воплей совести
Мне тёплый кот мурлычет по ночам.

Вот здесь живу, но голова дурная
И сердце глупое в советчиках моих
Всегда водились. Ну зачем я знаю,
Что сны недолговечны, если в них —
Бессонница. Ну и зачем я знаю,

Что мне прогуливаться так же просто
По тверди неба и по тверди вод,
Как позабыть единственный мой остров
Или спешить к тому, кто не зовёт.

В дурман-траве лежу, дурман-травую
Дышу одной. Кружится и поёт
Летучий мир над сонной головою,
Облюбовавшей райское жильё.

Кузнечик вёрткий знает своё дело:
Трещит не хуже верного сверчка.
Беспечная крапивница уселась
На львиный зев. Нарядней башмачка
Не сыщешь ты ни летом, ни зимою.
Не улетай, побудь ещё со мною.

Барабанил всю ночь, столько вёдер пролил...
Пахнет лесом осенним сосновый настил
На веранде открытой; ко мне по-приятельски
Блудный кот заглянул и на грядке гостит.
И кукушка сюда ввечеру обязательно
Прилетит, помолчит, улетит.

И в траве высоченной левее колодца
Чуть заметна тропинка примятая.
На будильнике восемь часов, а на солнце...
А на солнце — и все полдевятого.

Ещё тепло, но день счастливый каждый
Уже прожит, уже отсчитан мной.
Разбита гладь свинцовая одной
Рукой неосторожною, и важный
Паук ведет хозяйский смотр сетям,
И дождь холодный листья окропил
Перед паденьем долгим, и сентябрь
Не на ногу, а просто наступил.

За окнами зима; и начат новый год
Зимой холодною, и ноги стынут
На коврике, и лёгкий хоровод
Свободно по́лнит белую пустыню.

Нет ни души за окнами. Мороз
Сверкает перьями на снежных шляпах.
Но это ничего, и спрятан бедный нос
В подушки тёплые на чёрных лапах.

Бездельник мой нашёл пирог с вареньем,
Хотел стащить, но сразу уличён
Был оком бдительным, и рядом с батареей
Обиженным клубком свернулся он.
Ну что за жизнь! И холод от окна.
А что ж ты хочешь? Всё-таки зима.
Зимою снег идёт и страшный ветер свищет.
Я закрываю книжку, говоря:
Давай-ка спать, и завтра будет пицца.
Пойдём, мой чёрненький, чернышечка моя.

Наверное, из золота — сверкает,
Переливается. Русалочка поёт
Мне из волны; и волны наплывают;
Одна к ногам припала, приглашает
Войти в неё — и я вхожу в неё

Ослепшая, как будто бы на голос,
Пытаясь ухватиться за борта.
По щиколотку, по колено, в пояс,
По горлышко холодная вода.

Она так близко, золотая лодка!
И слышу я сквозь непробудный сон:
Ступает кот таинственной походкой.
И я не знаю, что задумал он.

Уже двенадцать лет, уже тринадцать лет,
Уже тринадцать лет да с половиною
Не бьёт копытом конь, не светит белый свет,
И обернулся хлеб землёй польнною.

Как во темнице той меня виновней нет,
И я тяжёлую несу повинную
Уже двенадцать лет да и тринадцать лет
Да и тринадцать лет да с половиною.

Через квадратики железные окна
Могу смотреть и руку протянуть
Навстречу дню... Который день без сна!
А надо спать, и надобно уснуть.

А вечером опять пылает жарко,
Через края выплёскивает яд.

...А тут приют дают, мохнатую пижамку,
Колпак на голову — и бубенцы звенят.

Звоню тебе. И день пасхальный светел.
И на двоих единый выходной
Во власти сладких грёз. И добрый ветер
Мне крылья расправляет за спиной.

Сегодня будет первым делом нашим
Запомнить, что ты разный и другой.
На столике свеча зажглась, и пляшет
По яйцам крашеным таинственный огонь.

И горько пахнут жёлтые цветы,
И вечер солнечным лучом пронзён —
Убийственным и солнечным. И ты,
Далёкий Бог, уже воскрес и вознесён.

Надежду беспощадную в подруги
Я выбрала, упрямая, опять,
Как в оны дни мои.

Скреститесь, руки,
Чтоб сердце бедное моё сдержать.

Пусть просто будет пасмурное утро:
Погодам ясным — веры никакой
Сегодня нет и нет. И в небе мутном
Пусть будет мне назначен выходной.

Опять, забытый, выкипает чайник.
И надобно мне несколько часов,
Чтоб положить тревожное молчанье
На чашу позлащённую весов.

Что выбирать, когда простого проще
И все сомнения равны нулю.
Но в сердце ли — иль в голове оглохшей
Гремят слова: «Я так тебя люблю...»

Мне ничего не надо *больше* жизни.
Пусть это будет просто день такой,
Чтобы идти и запах прелых листьев
В асфальт впечатывать ногой.

Кузнечики трещали от жары,
Спускались наземь кудри, душный воздух
Наполнен мятою душистой, из коры
Янтарь сочится. И, пока не поздно,
Друзья мои!

Друзья мои, бегите:
Верховный грянул гром
и пробит час,
Когда натянуты серебряные нити
И выбран путь, где обойдусь без вас.

Что за чёрт опять торчит на моём пороге?
Он мяучит и рычит и грызёт мне ноги.
Не рычи и не кричи, я тебя не брошу,
Потому что потому
В доме скучно одному,
В доме страшно одному,
Даже с чёрной рожей.

В саду скамейка мокрая; звезда
Любимой клумбы у скамейки. Там
Трудилась я все эти дни. Куда
Поставить мне мой пухлый чемодан?

Мой милый дом... Здесь у теплицы дальней
Погрызли мыши яблоню; здесь шаль
Забыла я, и все её искали...
Я улетаю. Мне сердечно жаль.

Ещё неслышные зачем, вернись —
Быть может, будет время... А пока
С корявых рук валится жёлтый лист
На лужи-море, лужи-облака.

Огни ночные где-то вдалеке.
Опять в котомку сложена еда.
Но добрый посох у меня в руке,
И добрая ведёт меня звезда.

Идите, ноги сильные мои,
Несите свою ношу от земли.

Там будет дом родной; и верный друг
Мне принесёт живой воды напиться.
Вот только море обойду вокруг.
Вот только ты мне перестанешь сниться.

Идите, ноги сильные мои,
Несите свою ношу от земли.

Но если, обернувшись назад,
Я не увижу солнца позади —
Тогда глаза мне больше не глаза
И сердца больше нет в моей груди.

Идите, ноги сильные мои,
Несите свою ношу от земли.

Земля всё дальше от тебя.
Всё глубже оттекают соки
Во чрево топкое. Высоки
На небе звёзды, но легко
И грезить с ними, и гулять.
И катится твоя земля
Всё дальше, дальше, далеко.

Всеобщий баловень, любимица богов
И гордость многочисленной родни,
И не трусиха, раз от всех сбежала
В пространства чужестранные — из снов
Сотканные, сплетённые они —
И там гуляла, напевая тихо:
Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля, тра-ля-ля,
И под ногами лопалась земля,
И травы вылезали, устилая
Дорожки те, где я теперь ступаю
По клеверу, по клеверным полям.

Конечно, я уйду. Да я уже ушла.
Есть у меня и важные дела,
Не только глупости. Не то чтобы сама —
За легконогой мчусь, она веселий ищет.
Мне тихий смех почудился и шорох
Её шагов у твоего жилища,
Вот и зашла. Но мне уже пора,
Нельзя надолго же оставить без дозору
Растрёпанных пионов аромат,
Безделье гулкое и посреди стола
Бумаг моих неистребимый ворох.

МЕНОРА

1

Все семь цветов, семь дней — по одному
На каждый ствол укоренить, как семя
Для вверх и вниз растущего посева;
Ещё бы план подробный: вдруг пойму,
Вдруг невнимательно прочитан Моисеем
Твой замысел,

и мне дана ладонь

Не суд вершить, не на добро и на́ зло —
А чиркнуть спичку и вложить огонь
В чистейшее оливковое масло.

2

Наверно, очень тихо — так, что можно
Услышать эту тишину, когда
Цветёт миндаль, все семь цветов. Я тоже
Пришла молчать, когда цветёт миндаль.

Пришла прощупать почву, вод брожение,
Биение пульса в стопы, и течёт
Земное варево по корешкам и венам,
Наверное, когда миндаль цветёт.

И синий бархат звёздные заплаты
Взвивается в сияющую даль.
Цвети, миндаль, цвети для этой лампы
Семи рожков, когда цветёт миндаль.

3

В Рим! Вечный Рим ведут меня пути,
Где голубиный рай и жизнь — одно мечтанье,
А мне никак... мне больше не пройти
Под аркой поражения и изгнания.

Она — клеймо на арочной стене
И шаг единственный в великий город.
Она нужна не мне!.. не только мне.
Я выкрала б её — когда бы воров

Мне быть назначено. Когда бы в силе —
Найти её и просто отобрать.
Но нет. Но нет. И кровь стучит по жилам:
Утерянное можно воссоздать.

Прилив — легко собрать в подол
Течение воды безмолвной.
Но в ноги, на дощатый пол
С ладоней ниспадают волны.

Нам всем понадобятся силы:
На свете трудно без друзей —
Во мраке движется светило,
И в море милый Одиссей.

Чем прогневил ты, землежитель,
Других? Живой — и вся вина.
И тянутся дорожкой нити
Распущенного полотна.

Солнечный луч застелили дорожкой лунной.
Боги-хранители, силы прибавьте ногам!
С кем состязаешься, глупая? Не рукоплещут трибуны.
Не рукоплещут чужие ко мне берега.

Как Одиссей хитроумный, в погоне за злою судьбою —
Боги-хранители, тесно на свете двоим
Непобеждённым — бегу и бегу за тобою,
Следом в следы ударяя твои.

Как ночь, затаился заносчивый город,
И, чёрная, лезет на камни вода
С ногами, и будут сколочены скоро
На деньги патрициев знатных суда.

И смех молодой. И с беспечной улыбкой,
Царицы морской припадая к ноге:
«Мы скоро поймаем отличную рыбку
На крюк абордажный. Держись, Карфаген!»

Не воды — пустынная гулкая зала.
И чаек нарядных восторженный крик.
Кому говоришь ты, несчастный:

«Порадуй!»

Себе бы, да дочке — без мужа осталась.
Ещё б на продажу... Ну что тебе надо?
И жертву, и сына — неужто всё мало?»

Сегодня улова не будет, старик.

Там пыльный камень, серые пески,
И воздух там дарован не дыханью,
Но зною тяжкому, сдавившему виски.

Там, у пределов мирозданья,
Колоссы закрывают небеса,
Как вход туда, с чем нет свиданья.

Дремотная звенит в струне оса,
И всё в дурмане,
Всё дурман один.

Тысячелетья воют голоса,
Взирают львы на свет, бурлит вода в кальяне,
И деньги кланчит нищий бедуин.

Им было время одно дано.
И в чаше щедрой для всех вино.
И хлеб разделен на всех один.
И билось сердце у всех в груди.

И каждый с тайной сидел своей.
Был воск расплавлен у всех свечей.
Лишь огонь великим взлетал огнём
Перед любимым учеником.

Пой, запевала, пой! Я дружным хором
Вослед тебе. Я, если хочешь, дружным
Во сне с тобой. Я, если видишь, город,
Дома твои, и снег над нами кружит,

Не падая. Я буду непременно.
Где моря гул. Сегодня. В шесть. И впредь.
И голос льющийся бурлит по венам,
Как кровь горячая. Я буду жить и петь.

Мне непременно быть: я дую ветер,
Я жгу на небе звёзды по ночам.

Во мне так много дней, так мало смерти,
Что можно запросто ещё одну начать,

Что вспенится ещё не раз прибой
О скалы звонкие. Пой, запевала, пой!

На набережной девушек кадрят,
И, Чёрное, кому-то шепчет море.
А под платаном фонари горят
И тень ползёт. Цыганское подворье.

Здесь шали пёстрые медяшками бренчат
И милостыня сыплется в горшки.
Здесь прокопчённый теплится очаг
И в дыме пряном притомились шашлыки.

Здесь на горбу у карлика в лорнет
Макака плянется на пьяную гульбу.
Здесь птичка добрая за сто монет
Мне вытянет нарядную судьбу.

А водоросли тихою змеёй
Повыползали, пенные, из вод.
И море выдыхает сонный зной
И, Чёрное, — встаёт, летит, поёт.

Снаружи брызги до небес и стоны
Ветров-предателей и ливней дружный стук.
На скальных стенах трещины, бизоны —
Создания твоих кипучих рук.

И мне приобретения — потери,
Пока ты буйствуешь, как буйствовать нельзя.
И это больше всяких уверений,
Что стар и слеп, и дар живой иссяк,
И это лучшее из твоего наследства —

Пока не знаешь ты, приму ли я
Хранимый горем, словно чародейством,
Предложенный отрезок бытия.

Стремительно густеющие воды.
Морскою солью вспененный прибой.
Ну не смешно ль? — Желать одной свободы,
Её одну! — Но ты, любовь, ты, боль, —

Всё о тебе пекусь. Твои рыдания
Жалею сердцем, ну да бог со мной:
Мне целый свет — последнее свиданье.
И жалуется что-то за стеной.

Не ветры — нет! — всего лишь дуновенье
Из щели в щель и от торца в торец.
Есть в жизни всякой гордости забвеньё
И униженью каждому конец.

Где воды расступаются, как недра,
И где в ромашках утопает сад —
Я лепестки на все четыре ветра
Пускаю — и пускай они летят.

Всё может быть. Кругом гуляет ветер.
Гробницы строятся, Парис летит за ланью
По горным тропам, и безусый Петер
Искусствам огнестрельным обучён.
Ещё Антоний весел, с Менелаем
Прекраснейшая женщина земная,
И не простёрта царственная длань
Над головою бедною ещё.

Вернись! Вернись! Так близко быть счастливым,
И я вернусь — гуляет кругом ветр —
К моим друзьям, так нежно мной любимым.
Иных уж нет, а тех — как будто нет,
Но есть обратный путь. Привет, привет,
Я снова вижу вас — красивых, юных, сильных!
И воздух не шелóхнется в ответ.

Перрон холодный. Ветры намели
Туман рассветный.
Но вижу, всё же вижу я вдали
Вагон последний.

Кругом кружится, свищет пустота
Смятенной птицей.
Но знаю я, но вижу: где-то там
Состав змеится.

Стучит, как сердце, много лет и зим,
И бесполезно.
И острой сыростью разит
Его железо.

Сидит с билетами в руке
Мой друг печальный,
И заварился в кипятке
Пакетик чайный.

Ни городка и ни села,
Ни деревеньки.
И проводница принесла
Постель за деньги.

А наверху, впотьмах, дымят одни
Ночные лампы.
И одинокими людьми
Прокурен тамбур.

Но светит-светится вдали перрон —
Как будто, летний...
И я стою —
        гляжу в пустой вагон,
Вагон последний.

Когда мой путь к ночлежке держит небо,
И днёвный труд свершён, и благодать
В усталых членах, и печаль как небыль —
Казалось бы, к чему и вспоминать

Каминные щипцы, на пыльной полке
Забытые; и ангел на стене
В тяжёлой раме; блеск хрустальной горки;
Игру весёлую и бликов, и теней
На ширме шёлковой; и запах горький
Гардении напыщенной моей.

Идёшь, заботой и судьбой увенчан,
Дыханьем греется замёрзшая рука.
И фонари мне освещают вечер,
И всё по-старому, но я забыла, как —

Когда всё ждёшь, и сердце замирает...
И много есть чего забыть у нас.
Уже темно и бог должно быть знает
Который час.

Свет приглушён. Ни выдоха, ни вдоха.
Ну что же ты стоишь, беги, беги!
Там колесницы триумфальный грохот.
И Командора гулкие шаги

На лестнице.

    А небосвод картонный,
Как будто гильотины лезвиё,
Простёр над головою обнажённой
Владычество надменное своё.

Марионеточный и звонкий,
Ты, голос, невесомым стал.
И балаганные постройки
Холодный ветер разметал.

Как будто бы, в сопровожденьи тени
По лестнице взбираясь со свечой,
Ступаешь в высь, а там — там нет ступени,
Там звёзды разлетаются в смятеньи
И только ночь подставила плечо

Безмолвное,
                  как преданный лакей,
Хранящий под ливреей ужас знания;

И чувствуешь на собственной щеке
Истории горячее дыханье.

Один верблюд, второй идёт, четвёртый...
Песок горячий сыплется у ног.
И бьётся в бок тяжёлым длинным свёртком
Каменьями расшитое сукно,

За шагом шаг всё бьётся в бок верблюжий.
Между горбов протянуты ремни.
А за окном метель. Метель и стужа.
И фонарей дрожащие огни.

И ночь уже как будто на исходе,
И посерело чёрное окно.
А в бурдюках ворчит и тихо бродит
Разбавленное кислое вино.

И тащится ничейная поклажа.
Пылает солнце в призрачной тени.
Их нет, верблюдов тех, они миражи.
Их нет совсем — но как же, вот они:

Шестой идёт, седьмой верблюд, девятый...
Вцепилась в шерсть колючая еда —
Да и запуталась. Эх ты, горбатый!..
Горбатый, рыжий — в общем, как всегда.

Мы скот, мы выючный скот. Жратва — отрава,
Гогочет в ухо пьяненький злодей:
Погонщику всё — право и расправа,
Всё травля анекдотов и людей.

А мы чем хуже? Сами мы с усами —
Весёлый нынче выдался народ:
И-и-ех, снова живём! И-и-ех, пляшем на вулкане!
Пуляй, босота! И-и-ех, дыра в кармане!
Никто дыру в кармане не зашьёт.

Да ладно, дыры... Как без дыр в хозяйстве?
На свете нашем так уж повелось.
Ведь даже и у боженки в пространстве
Космическом без дыр не обошлось.

Окно белеет. Светится бумага
На письменном столе. И ты пока что есть,
Моя тревога и моя отвага,
Прекрасная бессонная болезнь.

И станет утро ледяным туманом.
Восстанет ночь хохочущий обман.
И караван бредёт за караваном,
И караван за караваном,
За караваном караван.

Я не уйду. Мы снова, как и прежде,
Один народ, и нам нельзя уйти.

Нам не уйти. И зыбкие надежды
На все долой волной встают в груди

И заливают грудь. И подвигают сердце
В худом пальтишке выстоять с утра.

Мне б так хотелось где-то обогреться
И государству нашему добра.

И небо застывает бледным светом,
Вершая день, и снег несёт крупой

На варежку мою. И бьются с ветром
Мятежные знамёна над толпой.

На руки, полные беды,
На сердце, полное огня,—
Кувшин колодезной воды,
Студёное дыханье дня —

И боли не было и нет,
А есть покой, зима, зима,
И вся летит, летит ко мне
Метелью ставшая волна.

Звезда вела! Из непроглядной дали
Я добралась, и мне открылась дверь! —
Но хлещет боль, и бьёт в меня, взлетая,
Неумолимая волна потерь,

Сбивает с ног, и падаю. Когда-то
Моя живая мама шла ко мне
С букетом первых ландышей из сада,
И голубое светится на ней.

Не слёзы — соль горячая, морская
Сжирает твердь, поросшую травой,
И под золой, над жаркими песками
Вздохнуло — на подушке головой,
Сопит мне в ухо, когти выпуская,
Мой чёрный кот, вреднющий и живой.

Всё вспоминаю сизнова да снова,
Какой ценою удалось дойти.
Эхма, свобода! — цепкие оковы:
Награды лживые и ложные пути.

Гляжу на небо скорбным изваяньем.
Сейчас бы дом, а дома чёрный кот.
И мама, мама в голубом сиянье
С букетом первых ландышей идёт.

Я протираю руки. Знаю! — Верю! —
Свернёт ко мне, и сжалится конвой
Безжалостный...

И перед глупой дверью
Всё громче слышен мой звериный вой.

Всё слишком — явь. Бесстыжая, в натуре,
И как дышать. —

Стою, рычу, бегу,
Слезами заливаюсь. Мне бы, дуре,
Привыкнуть — я привыкнуть не могу.

Мне это боль. Всё это боль и небыль,
И есть обетованная земля.
И птица чёрная летит в ночное небо,
Крылами мощными не шевеля.

Но нет и нет. Нет, мне не туда,
Где край земной приветствуют ладони,
Где тёплой галькой выстланы берега
И льнёт к ногам солёная вода...
Но нет и нет. Мне даже не туда,
Где ворох трав растит земное лоно,
И шмель жужжит лениво, и всегда
Готовые уютные стога...
Но нет. Скрытая в земле руда
Магнитом тащит. Мне сюда — туда,
Где вдоль дороги высятся снега
И сосенки взбираются по склону.

Я в этом городе, казавшемся другим,
На этой улице — где не дома, а даты,
Взнесённые камнями из могил.
Я в городе моём жила когда-то

На этой улице, где тополя, как снег,
Летят, летят — и не лететь не будут.
Они влетают в сон, и я во сне
На улице моей, из моего оттуда,

Где за спиной шаги и силуэт в окне,
Где тени от домов путь преграждают мне.

Где каждый ветра вздох и каждый треск ветвей
Следят следы мои на выжженной траве.

Где призраки надежд с тревогой заодно
И сердцу зябкому доверено одно:

Что дом лишь угол свой, где ты сидишь до света
И вызываешь номер —

Мама.

Нет ответа.

Сейчас здесь сумрачно и сыро.
Хвощом обросшая сосна
В кору забилась и сокрыла
Начертанные имена.

Сейчас здесь даже первый — лишний.
Дождями пахнет ржавый мох,
Из зарослей на пепелище
Через малину и горох

Нахально прущий — гуще, выше.
И на скамейке у крыльца
Я всё ищу, ищу, не вижу
Стрелой пронзённые сердца.

Жасмин цветёт, и ветер сладко веет,
И воздух упоительный и свежий,
И солнце есть.

Но над душой моею
Воспоминаний власть, а не надежды.

Как будто бы не день, а мутный вечер,
И липкий сумрак бесится в лицо.
И в нём кривляется, цепляется за плечи
Видений ясных плотное кольцо —

Все и ташу. Пронзительно и грустно
Они зовут меня и гомонят во мне.
Тяжёлые — на сердце давят грузно.
Весёлые — грызут ещё больней.

А вот сказать бы *так* — не посчитаться с тайной,
А вот бы смочь *тогда* — не посчитаться с ленью,
Взять и переиграть — и выигрыш в кармане,
Жасмин цветёт, и ветер сладко веет,
И шла б сейчас с улыбкой, молодая,
Без жарких грёз и жалких сожалений.

Все сожаления мы выдумали сами.
Ведь жизнь — пускай игра, да не игрушка,
Не смех на палочке. И глухо, точно в яме,
Твердит свои пророчества кукушка.

Иду плетусь, но странно гулкий камень
Мне для прогулки выдан мостовой.
И тихими, кошачьими шагами
Крадётся тень моя за сгорбленной спиной.

Ты лучший мой учитель, боль.

Будь неотвязною, забота,
И изнурительной — работа,
И мёртвым — час на мой покой —
Без сновидений, без желаний.
Я оглушительных мечтаний
Девятый вал, девятый вой
Не в силах удержать иначе.
На все запоры заперт ящик
Моею твёрдою рукой.

...По клеверу, по морю, по пустыне,
Через горы, горы, под землёй и там,
Где с божьей помощью я примирилась ныне.
Но больше нет ни помощи, ни тайн.

И этот путь, унылый, одинокий
Настолько, что... Да ладно, как-нибудь,
Холодной лужей освежая ноги,
Холодным ветром надувая грудь.

Уже октябрь, и даже не середина:
Тяжёлый дождь и каменная стужа.
Но гордый шаг держу, как на чужбину.
Прийти пораньше, приготовить ужин.
И встать пораньше, приготовить завтрак.
И это правильно. И не нужна мне карта —
Ни звёздной, ни земной уже не нужно,
Чтобы идти, и обходить, как лужи,
Знакомые скамейки возле сада,
Знакомые проулки и дома.
И завтра будет так, и послезавтра.
А после вообще придёт зима.

Как будто жизнь — одни мечты...
Дождём переливалась ёлка,
И кашель — спутник нищеты —
Меня оставил ненадолго.

Отсюда в ветреный простор
Длиною в дни мои примерно
Гремит в палатках жаркий торг,
И радостный гремит, и нервный.

Гирлянды солнечно горят,
И в мире никаких напастей,
И морем огненным бурлят
Абхазских мандаринов страсти.

Пусть дует так немилосердно,
Пусть выдувает нас подряд,
Но мандарины всё бессмертны,
Всё сладкий источают яд,
Что ты ни в чём не виноват,
И пахнут, черти, счастьем верным.

Всё выше солнца свет — земля осела будто,
Всё ниже стелется туманный дым и дом.
Настало восемнадцатое утро,
И Пасха ближе, ближе с каждым днём.

И птица незнакомая запела —
Такая певчая, ну просто соловей.
Запахло свежестью, дохнуло прелью,
И дождь пошёл для мамочки моей.

Он прибывает поездом ночным
На нашу станцию. К тому же чемоданы,
И вдруг тяжёлые, и некому тащить
Все грозы щедрые, ожившие фонтаны,
А лёгкий плащ расстёгнутый, а вальсы
Под духовой оркестр, а кутерьма
Из яблоневых ветров! — Выбейся
На белый свет, пойдём и встретим май.

Сквозь шумный двор, где сушится бельё
В загоне крашеном, где пыльная крапива
И лопухи беснуются, жильё
Кирпичное в осаду взяв, где диво
Как хороша, в иголках вся сосновых,
Прогретая трава, где муравей
Взбирается на шишку — видно, новых
Насыпало за зиму, где ветвей
Такое множество, что раскачали небо,
А корни мощные подняли над землёй
Ствол корабельный, и плывёт за мной
Сквозь шумный двор, где больше жизни не был,

Где матушка зовёт уже домой
С балкона в бархатцах пушистых, в старых
Нагромождениях, ещё табак душистый;
Сквозь шумный двор, где босиком по лужам,
А подорожник вылечит все раны,

Бежишь, бежишь, наверно будет ужин
В большой семье; где, с сорняками дружны,
Свистя в стручки акации, давно
Как сорняки растут, взрастая, судьбы,
И ветры бьют в раскрытое окно.

Сквозь шумный двор, вдыхая полной грудью.
И сердце чувствуешь — как будто есть оно.

Здесь совпадает всё, не только сон мой.
Я не боюсь и даже не тужу.
О воздух-смерть, ты просто невесомость,
Я невесомостью одной дышу,

Не надышусь. И наважденьем станет
Мой настоящий, солнечный мой дом.
Я тени легче. Таю, улетаю,
Лишь тень вцепилась в призрачный подол.

...И Ника безголовая летит
К врагам моим, и все глумятся бесы
Над правдою моей, и время мстит
Мне близкой старостью, немудрой и безвестной.

Гонцы мои не принесут друзьям
Ни хлеба сытного, ни слова утешенья.
Лишь мечется, ревнуя и дразня,
Мой призрак доблестный отчётливой мишенью

Над милым берегом — спасительный покров,
Пробитый пулями, изодранный на клочья,
Взметает одержимее ветров
Свои лохмотья — и всюю хохочет.

Содержание

«Здесь сонное царит оцепенение...»	5
«В дурман-траве лежу, дурман-травую...»	6
«Барабанил всю ночь, столько ведер пролил...»	7
«Ещё тепло, но день счастливый каждый...»	8
«За окнами зима; и начат новый год...»	9
«Бездельник мой нашёл пирог с вареньем...»	10
«Наверное, из золота — сверкает...»	11
«Уже двенадцать лет, уже тринадцать лет...»	12
«Через квадратики железные окна...»	13
«Звоню тебе. И день пасхальный светел...»	14
«Пусть просто будет пасмурное утро...»	15
«За океаном — сквозь трясину вод...»	16
«Кузнечики трещали от жары...»	17
«Что за чёрт опять торчит на моём пороге?...»	18
«В саду скамейка мокрая; звезда...»	19
«Огни ночные где-то вдалеке...»	20
«Земля всё дальше от тебя...»	21
«Всеобщий баловень, любимица богов...»	22
«Конечно, я уйду. Да я уже ушла...»	23
Менора	24
«Прилив — легко собрать в подол...»	26
«Солнечный луч застелили дорожкой лунной...»	27
«Как ночь, затаился заносчивый город...»	28
«Там пыльный камень, серые пески...»	29
«Им было время одно дано...»	30
«Пой, запевала, пой! Я дружным хором...»	31
«На набережной девушек кадрят...»	32
«Снаружи брызги до небес и стоны...»	33
«Стремительно густеющие воды...»	34

«Всё может быть. Кругом гуляет ветер...»	35
«Перрон холодный. Ветры намели...»	36
«Когда мой путь к ночлежке держит небо...»	38
«Идёшь, заботой и судьбой увенчан...»	39
«Свет приглушён. Ни выдоха, ни вдоха...»	40
«Марионеточный и звонкий...»	41
«Один верблюд, второй идёт, четвёртый...»	42
«Я не уйду. Мы снова, как и прежде...»	44
«На руки, полные беды...»	45
«Звезда вела! Из непроглядной дали...»	46
«Всё слишком — явь. Бесстыжая, в натуре...»	48
«Но нет и нет. Нет, мне не туда...»	49
«Я в этом городе, казавшемся другим...»	50
«Сейчас здесь сумрачно и сыро...»	51
«Жасмин цветёт, и ветер сладко веет...»	52
«Ты лучший мой учитель, боль...»	54
«...По клеверу, по морю, по пустыне...»	55
«Уже октябрь, и даже не середина...»	56
«Как будто жизнь — одни мечты...»	57
«Всё выше солнца свет — земля осела будто...»	58
«Он прибывает поездом ночным...»	59
«Сквозь шумный двор, где сушится бельё...»	60
«Здесь совпадает всё, не только сон мой...»	62
«...И Ника безголовая летит...»	63

Литературно-художественное издание

Машевич Светлана Владимировна

Чёрное море

Стихотворения

Книга издана в авторской редакции

Художник — Екатерина Васильевна Карженкова

Компьютерная вёрстка — П.Г. Марченко

Подписано в печать 14.02.2017.

Формат 84 x 108/32. Гарнитура AcademyCTT.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2. Тираж 100 экз. Заказ № 1010.

ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва,

ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр.1.

Тел. (495) 690-67-19

www.uniki.ru